

Кафедра всеобщей истории

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

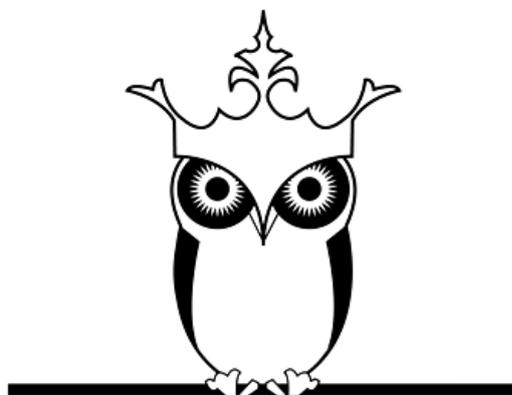

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Кафедра всеобщей истории

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Санкт-Петербург
2016

Научное издание

Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 1. Сборник научных трудов / Отв. ред. и сост. Т.В. Кудрявцева. – СПб., 2016. – **148** с.

Сборник научных работ включает в себя статьи преподавателей, студентов и аспирантов кафедры всеобщей истории факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. В основу ряда публикаций были положены выступления на организованных кафедрой в марте-апреле 2015 г. межвузовских конференциях: «Герценовские чтения – 2015: Актуальные проблемы всеобщей истории», II научная конференция для студентов и аспирантов «Международные конфликты и их преодоление: от античности до наших дней».

© Коллектив авторов, 2016

© Кудрявцева Т.В., идея, составление, 2016

РОЛЬ ОРАКУЛА В АФИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ¹

Для афинской колониционной практики, в отличие от общегреческой, крайне редки были случаи обращения к оракулу при выводе новых поселений. Несколько таких случаев можно проследить на раннем этапе афинской колонизации, однако уже тогда главной целью обращения к оракулу было не получение благоприятного предсказания, а формальное обоснование законности своих притязаний на ту или иную территорию, нередко уже занятую. В дальнейшем же, в период расцвета своего могущества, Афины практически полностью отказались от подобных попыток обоснования фактического захвата земель.

Ключевые слова: оракул, колонизация, Афины, Саламин, Лемнос, Скирос.

Один из важнейших периодов истории Древней Греции, Великая Греческая колонизация, растянулся на несколько веков, и в нем в той или иной мере приняли участие почти все греческие полисы. В разное время и в разных городах колонизация могла принимать свои, особые формы в зависимости от уровня развития государства, социально-экономических условий и политической ситуации. В большинстве случаев, тем не менее, колониционная практика разных полисов не сильно отличалась от общегреческой и сохраняла характерные для нее черты. Обычно колония выводилась по инициативе какого-либо частного лица либо, что случалось гораздо реже, под руководством города, который назначал ойкиста. Ойкист должен был перед отплытием в новую колонию обратиться к какому-либо богу, чаще всего – к Аполлону, затем совершить жертвоприношение, и после этого колонисты отправлялись на новые территории². Земля в новом поселении распределялась между колонистами – апойками или эпойками – по жребию. После основания города там устанавливалось государственное устройство, подобное устройству метрополии, с которой новое поселение сохраняло дружественные отношения, многочисленные культурные связи, но при этом становилось от нее независимым³.

Афинская колониционная практика, однако, в силу целого ряда причин во многом отличалась от колонизации всех остальных греческих городов. Так, афинские колонии были гораздо более тесно связаны с метрополией, вплоть до

¹ Работа выполнена под научным руководством к.и.н., доц., доц. кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Шарниной.

² *Грэхэм А.Дж.* Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII–VI вв. до н.э. М., 2007. С. 173; *Delcourt M.* L'Oracle de Delphes. P., 1955. P. 111; *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001. С. 130–133.

³ В некоторых случаях метрополия старалась контролировать выведенные ею формально независимые колонии, в основном, если они находились недалеко от нее. В то же время сильные полисы, такие как, например, Коринф, были способны осуществлять контроль и над теми колониями, которые находились достаточно далеко от метрополии. (*Грэхэм А.Дж.* Колониальная экспансия... С. 173).

сохранения колонистами афинского гражданства, и выводились в большинстве случаев под контролем непосредственно государства, роль ойкиста же была сведена к минимуму. С учетом этих особенностей закономерно возникает вопрос: каким образом в афинской колонизационной практике была отражена традиция обращаться к оракулу перед основанием нового поселения и сохранялась ли она вообще? Данные имеющихся в нашем распоряжении источников дают основания предполагать, что и эта характерная особенность общегреческой колонизационной практики не осталась неизменной.

Обращение афинян к оракулу упоминается в рассказах историков об одной из первых афинских колоний, острове Саламин, за который в начале VI в. до н.э. начинается длительная борьба с Мегарами. Как известно, долгое время в этом конфликте ни одна из сторон не могла добиться преимущества, и афиняне, устав от затянувшейся войны, запретили под страхом смертной казни даже упоминать о ней (Plut. Sol., 8). Однако афинский политик Солон, прикинувшись сумасшедшим, прочитал согражданам свою элегию «Саламин», в которой призывал вновь взяться за оружие и завершить борьбу за остров (Plut. Sol., 9; Diog. Laert., I, 46-47; Paus., I, 40, 4). Ход конфликта за Саламин описан в сочинениях Плутарха, Диогена Лаэртского и Страбона (Plut. Sol., 9-12; Diog. Laert., I, 46-48; Stb., IX, 1, 10). Плутарх, в частности, сообщает, что Солон перед началом активных боевых действий получил оракул следующего содержания:

*Первых земли той героев склони ты обильною жертвой,
Тех, кого грудью своей укрывает от нас Асопида,
Мертвые, смотрят они в края заходящего солнца.* (Пер. С.И. Соболевского)

Ночью Солон перебрался на остров и принес жертвы героям Перифему и Кихрею, после чего вместе с пятьюстами добровольцами на рыбацких лодках пристал к Саламину. Солону удалось захватить корабль противника, а затем, с помощью хитрости, и город, однако мегаряне не собирались сдаваться, и военные действия продолжались, вновь не принося решающего успеха ни одной из сторон.

В конце концов, вопрос о Саламине решался третейским судом из пяти спартанских судей. Солон привел сразу несколько доказательств того, что эта территория должна являться афинской: ссылаясь на Гомера, в текст которого вставил собственные стихи, на мифологические предания и даже на то, что захоронения на острове устроены по аттическому обычаю (Plut. Sol., 10; Diog. Laert. I, 48). Интересно, что свидетельства Плутарха и Диогена Лаэртского по этому поводу диаметрально противоположны. Диоген говорит о том, что мертвые были захоронены головой на восток ἔδειξε τοὺς νεκροὺς πρὸς ἀνατολὰς ἐστραμμένους, ὡς ἦν ἔθος θάπτειν Ἀθηναίοις). Плутарх же утверждает, что вскрытые на Саламине могилы были ориентированы на запад (Ἀθηναῖοι δὲ πρὸς ἐσπέραν), что соответствовало полученному Солоном ранее предсказанию оракула. Такую же версию приводит и Элиан (Aelian. Var. hist., 7, 19).

Несмотря на возражения мегарян, лакедемоняне решили исход дела в пользу Афин. Не исключено, что большую роль в этом сыграл Пифийский оракул, к которому обратились за соответствующим прорицанием: он назвал

Саламин «Ионией» (Plut. Sol., 12), что также свидетельствовало в пользу афинских претензий на остров: Мегары были городом дорийского происхождения.

Таким образом, можно отметить, что на самом раннем этапе афинской колонизации традиционное обращение к оракулу сохраняло свое значение, и, судя по содержанию первого предсказания, перед попыткой захвата Саламина Солон действовал вполне в духе общегреческой колонизационной практики, спрашивая у оракула некоего совета. Однако, несмотря на то, что конкретное содержание второго упоминаемого в связи с захватом Саламина оракула неизвестно, показательно, что он использовался уже в совершенно иных целях: для обоснования афинских прав на остров, как дополнение к тому комплексу мифологических доказательств, которые, согласно преданию, привел Солон. Стоит отметить, что их внушительный объем, возможно, послужил одной из причин того, что в дальнейшем Саламин считался практически частью Аттики, и такое положение дел не вызывало никаких сомнений не только у самих афинян, но и у всех остальных греков.

На следующем этапе афинской колонизации важным шагом для укрепления афинских позиций в Эгеиде в конце VI в. до н.э. стало основание колонии в Херсонесе Фракийском. С этими событиями также связано упоминание об использовании афинянами оракула. Геродот сообщает, что предводители племени долонков, населявших Херсонес и конфликтовавших с соседними племенами, получили в Дельфах предсказание, согласно которому им следует призвать на свою землю того, кто первый окажет им гостеприимство. Долонкам пришлось пройти всю Фокиду и Беотию, прежде чем в Афинах они встретили радушный прием у Мильтиада, представителя знатного и богатого рода Филаидов, которому они и предложили отправиться в Херсонес. Мильтиад согласился отправиться во Фракию и отбыл туда, получив, в свою очередь, благоприятное предсказание от Дельфийского оракула (Hdt., VI, 34–35). Обращает на себя внимание тот факт, что Мильтиад в данном случае поступает как «классический» ойкист – спрашивает одобрения оракула, прежде чем отправиться в колонию. К сожалению, сведений о том, какого рода предсказание было им получено, не сохранилось.

По свидетельству Геродота, одной из причин согласия Мильтиада отправиться в Херсонес был тот факт, что в родных Афинах его тяготила власть тирана Писистрата (Hdt., VI, 36). На основании этого сообщения исследователи традиционно делают выводы о конкуренции и даже вражде между Писистратом и Мильтиадом, которая и вынудила последнего покинуть Афины⁴. Однако, необходимо учитывать, что во время написания Геродотом его труда многие

⁴ Например: *Berve H.* Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit. B., 1937. S. 10; *Miller T.* Die griechische Kolonisation in Spiegel literarischen Zeugnisse. Tübingen, 1997. S. 53; *Tiverios M.* Greek Colonisation of the North Aegean // Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. by G.R. Tsetckhladze. Vol. 2. Leiden, 2008. P. 123; *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 42.

знатные афинские семьи, в том числе и Филаиды, стремились убедить сограждан в том, что они никогда не были связаны с Писистратом и его наследниками, и вовсе не обязательно, что на решение Мильтиада действительно повлияла личная неприязнь к тирану, если она вообще имела место⁵. Тем более, что, возможно, сам он ранее оказывал Писистрату помощь⁶, и, судя по всему, сам тиран не относился к Мильтиаду враждебно, иначе, как отмечает Х. Туманс, Мильтиад вряд ли мог бы пользоваться, большим влиянием в Афинах (Hdt., VI, 35)⁷. Сомнительно, к тому же, чтобы Писистрат позволил своему недругу укрепиться в таком стратегически выгодном месте, как Херсонес⁸. Таким образом, не представляется возможным рассматривать экспедицию Мильтиада в Херсонес как следствие его вражды с Писистратом.

В связи с этим моментом существует даже предположение, что, напротив, мог иметь место своеобразный взаимовыгодный договор Писистрата с Мильтиадом, и афинский тиран, зная о вражде долонков с соседним племенем апсинтиев, сам посоветовал им обратиться в Дельфы и позаботился о выгодном для Афин предсказании.⁹ Однако у нас нет свидетельств, говорящих в пользу такой гипотезы, напротив, можно говорить скорее о прохладных отношениях Писистрата и дельфийского оракула.¹⁰

Как бы то ни было, Мильтиад успешно справился с возложенной на него задачей защиты долонков от их воинственных соседей: разбив их, прибывшие вместе с Мильтиадом афиняне возвели стену и построили несколько укреплений (Hdt., VI, 36; *Her. Milit.*, 2). Во всех этих городах афинские колонисты получили земельные наделы и значительно поправили свое материальное положение (*Her. Milit.*, 2). Сам Мильтиад остался в Херсонесе, а долонки, избавленные от внешнего противника, провозгласили его тираном, и власть он удерживал благодаря поддержке тех, кто прибыл с ним (Hdt., VI, 36; *Her. Milit.*, 2). Учитывая эти факты, нельзя, как представляется, исключать вероятности того, что содержание оракула, полученного долонками, было

⁵ *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший – ойкист: к вопросу о взаимоотношениях аристократов и тиранов // Мнемон. 2002. Вып. 2. С. 42.

⁶ О возможной принадлежности Мильтиада к группировке диакриев, лидером которой был Писистрат см.: *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 298–299.

⁷ *Туманс Х.* Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // Мнемон. 2014. Вып. 14. С. 62. См. также: *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und Miltiades // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abteilung.* Ht. 1. München, 1939. S. 9.

⁸ *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший – ойкист... С. 39–40.

⁹ *Касаткина Н.А.* Ранние военно-земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.) // *Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи.* Горький, 1985. С. 15; *Лурье С.Я.* История Греции. Т. 1. СПб., 1993. С. 155). О.В. Владимирская с осторожностью говорит о возможности подобной реконструкции событий, однако отмечает выгоду отъезда Мильтиада из Афин для Писистрата (*Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший – ойкист... С. 36, 39–40).

¹⁰ Об отношениях Писистрата с Дельфийским оракулом: *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // *Античный полис. Проблемы социально-экономической организации и идеологии античного общества.* СПб. 1995. С. 17–19.

приукрашено либо вовсе придумано афинянами для того, чтобы оправдать фактический захват Мильтиадом Херсонеса и появление там значительного числа афинских колонистов.

Таким образом, в связи с завоеванием Херсонеса можно вновь отметить два момента: обращение ойкиста к оракулу за благоприятным предсказанием и использование оракула в качестве обоснования афинских претензий на важную в стратегическом плане территорию, причем именно второе гораздо более подробно отражено в источниках.

Следующий случай использования афинянами удобного для них оракула связан с именем еще одного Мильтиада – Мильтиада Младшего, племянника первого херсонесского тирана. Мильтиад Младший стремился не только укрепить доставшуюся ему по наследству власть, но и распространить ее на острова в Эгейском море: так, античные авторы рассказывают об его участии в завоевании острова Лемнос (Hdt., VI, 137–140; Diod., X, 19, 6; Nep. Milt., 2).

Лемнос некогда населяли некие жители – пеласги (Hdt., II, 51; VI, 137), тиррены (Diod., X, 19, 6) или карийцы (Nep. Milt., 2). Геродот сообщает, что они раньше жили в Аттике, но были изгнаны оттуда. По версии Гекатея, которую передает Геродот, афиняне поступили несправедливо, изгнав их без всякой на то причины. Согласно же второй версии, более распространенной в самих Афинах, пеласги вели себя невежливо по отношению к молодым афинянкам, постоянно оскорбляя их, когда те ходили за водой к источнику. В какой-то момент они даже замыслили напасть на город, однако были пойманы. Афиняне повели себя благородно и, хотя могли перебить их всех, ограничились приказом покинуть Аттику, после чего часть пеласгов переселилась на Лемнос. Конфликт на этом, однако, не завершился: во время празднества Артемиды лемносцам удалось похитить афинских женщин и увезти их к себе на остров, где они сделали их своими наложницами, а через некоторое время умертвили и этих женщин, и их родившихся к тому времени детей. Далее, продолжает Геродот, земля пеласгов перестала плодоносить, а женщины и скот не были так плодотворны, как раньше (Hdt., VI, 137–139).

Лемносцы обратились в Дельфы и получили от Пифии ответ, согласно которому они спасутся от обрушившейся на них божественной кары, если отдадут афинянам все, что те захотят. Афиняне же потребовали отдать им землю лемносцев, на что те ответили, что поступят так при условии, если афинский корабль за один день при северном ветре преодолеет путь от Афин до Лемноса, что было совершенно нереально (Hdt., VI, 139).

Возможно, это предание, рассказанное Геродотом, было придумано и распространено впоследствии самими афинянами, которым необходим был повод захватить остров на формально законных основаниях – не случайно историк подчеркивает, что это именно афинская версия событий.

В конце VI в. до н.э. Лемнос был захвачен персами, которые поставили во главе острова Ликарета, брата самосского правителя (Hdt., V, 27). Ликарет через некоторое время скончался, и вскоре после его смерти к берегам Лемноса пристает афинский отряд во главе с Мильтиадом Младшим, который, вспомнив

о предании, объявляет, что прибыл на остров с северным ветром. Афиняне приказывают лемносцам покинуть остров, что последние и выполняют, вспомнив полученный оракул и сочтя, что бессмысленно сопротивляться столь удачливым противникам (Hdt., VI, 140; Diod., X, 19, 6; Nep. Milt., 2). Однако такой мирной развязке конфликта противоречат сведения этих же авторов, упоминающих не только о неоднократных попытках захвата острова Мильтиадом (Nep. Milt., 2), но и об активном сопротивлении его жителей афинянам. Без боя сдалась только Гефестия, один из двух крупнейших лемносских городов, а вот мирринцы сложили оружие только после осады (Hdt., VI, 140). Эти свидетельства дают основания говорить о том, что Лемнос был захвачен силой. К тому же жители Лемноса, по сообщениям историков, были изгнаны с острова (Hdt., VI, 140; Thuc., IV, 109; Nep., Milt. 2; Diod., X, 19,6)¹¹. На острове сразу же появились херсонесские и афинские колонисты, а через несколько лет Мильтиад полностью передал Лемнос Афинам (Hdt., VI, 136: ἐλὼν Λῆμνόν ... παρέδωκε Ἀθηναίοισι).

Таким образом, источники, сообщающие о захвате Лемноса Мильтиадом, говорят о том, что к концу VI в. до н.э. на первый план постепенно выходит задача обоснования захвата территории. Мильтиад, в отличие от своего дяди, уже не обращается к оракулу за советом, не следует общегреческой колонизационной практике. Во всяком случае, нам известно лишь о том предсказании, которое подтверждает – или якобы подтверждает – афинские права на Лемнос. Тенденция к уменьшению роли оракула в афинской колонизационной практике становится все более заметной при рассмотрении свидетельств, относящихся уже к V в. до н.э.

Греко-персидские войны приостановили колонизационную деятельность Афин, которые, по всей видимости, потеряли связи со всеми существовавшими к тому времени колониями, кроме Саламина. Однако практически сразу же после отражения непосредственной персидской угрозы и образования Делосского морского союза Афины возобновили выведение колоний.

В ходе кампании под руководством известного военачальника Кимона афиняне около 475 г. до н.э. захватывают остров Скирос, местное население которого, долопы, было порабощено, а вся земля разделена между афинскими колонистами (Thuc., I, 98; Diod., IV, 62; XI, 60., Plut. Cim., 8; Nep. Cim., 2; Paus., I, 17). С этими событиями связано фактически последнее упоминание об использовании Афинами предсказаний оракула, причем исключительно в контексте обоснования своих прав на захваченную территорию.

Незадолго до рассматриваемого периода дельфийский оракул повелел доставить останки легендарного афинского царя Тесея в родной город героя (Plut. Cim., 8). Согласно преданию, особенно широко распространившемуся в

¹¹ Большинство историков сходится во мнении, что после этого негреческое население острова полностью исчезло (Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 176; Hampl F. Poleis ohne Territorium // Klio. 1939. Bd. 32. S. 31; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd.II. 3 Aufl. München, 1926. S. 1273; Касаткина Н.А. Афинские военно-земледельческие поселения VI-V вв. Дис. ... к.и.н. Л., 1983. С. 62).

это же время (вероятно, не без помощи самих афинян), Тесей был некогда коварно убит царем Скироса Ликомедом, и его могила находилась как раз на этой территории. Захват Скироса, таким образом, получал некое моральное оправдание. Тем более что, по сообщению Плутарха, долопы были плохими земледельцами, однако уверенно чувствовали себя на море и занимались фактически пиратской деятельностью: грабили корабли, которые прибывали на Скирос с торговыми целями. Наконец пираты ограбили купцов из Фессалии, которые обратились за помощью в Дельфийскую Амфиктионию. Испуганные перспективой расплаты за совершенные грабежи долопы, в свою очередь, отправили послание Кимону, обещая передать тому свой остров (Plut. Cim., 8). Захват Скироса в такой версии выглядит практически как справедливое и благое дело избавления важного морского пути от пиратов.

Однако кроме Плутарха никто из авторов не оставил подобных свидетельств о пиратских действиях долопов (ср.: Thuc., I, 98; Diod., XI, 60; Nep. Cim., 2; Paus., I, 17). Существует предположение, что Плутарх передает официальную афинскую версию произошедшего, призванную оправдать эту военную операцию, ведь в той местности не было персов, то есть отсутствовал формальный повод для обращения против острова сил Делосского союза. Вероятно, захват острова был обусловлен стремлением укрепить положение афинян во Фракии. Необходимо в связи с этим отметить, что представителем Афин в Амфиктионии в то время был именно Кимон, к тому же у него были личные связи с Фессалией. Эти факты неизбежно наталкивают на мысль об определенном сговоре афинского военачальника с фессалийцами, призванном создать повод для захвата новой территории, расположенной в стратегически важном месте¹². Возможно, этим же обстоятельством было обусловлено и получение удобного для Афин оракула про возвращение в город останков Тесея.

На Скиросе после победы афинян основывается очередная колония: Фукидид сообщает о том, что афиняне сами заселили остров после обращения его жителей в рабство (Thuc., I, 98), а Диодор и Непот добавляют, что Кимон разделил между гражданами землю (Diod., XI, 60, Nep. Cim., 2).

Наконец, еще раз упоминается обращение к оракулу в связи с афинской колонизационной практикой в рассказах античных авторов об основании общегреческой колонии Фурии на месте разрушенного полувеком ранее Сибариса (Plut. Per., 11; Diod., XII, 10; Stb., VI, 13).

Как известно, между Сибарисом и Кротонем долгое время шла борьба, завершившаяся изгнанием сибаритов из их родного города (Hdt., V, 44; VI, 21; Diod., XII, 10). Последние неоднократно пытались восстановить свой город и вновь заселить его, однако попытки эти были неудачными (Diod., XII, 10). В какой-то момент сибариты обратились за помощью к Спарте и к Афинам. Спартанцы просителям отказали, а афиняне выслали на подмогу эскадру в десять кораблей. Афиняне Лампон и Ксенокрит, прибыв в Сибарис, выступили

¹² Курциус Э. История Греции. Т. 2. Минск, 2002. С. 114; Лурье С.Я. Примечания к избранным биографиям Плутарха // Плутарх. Избранные биографии. М.; Л., 1941. С. 386.

в роли ойкистов поселения, после чего, видимо, вернулись в родной полис, подобно другим основателям афинских колоний (Plut. Per., 6). Вскоре в городе вспыхнул конфликт между местными жителями и колонистами, поскольку сибариты занимали лучшие государственные должности, владели лучшими землями и играли главенствующую роль во время жертвоприношений (Diod., XII, 11). Судьба сибаритов оказалось печальной: по сообщениям источников, греческие колонисты уничтожили почти всех их, и лишь немногим удалось бежать и основать новый Сибарис у реки Траис (Diod., XII, 11; Stb., VI, 1, 13; Arist. Pol., V, 1303a, 30 ff).

Новые колонисты, в том числе представители пелопонесских городов, прибывшие в Сибарис по приглашению афинян (Diod., XII, 10), обратились в Дельфы и получили оракул о том, что надо основать новый город в том месте, где «намереваются жить воду пьющие в меру, а хлеб съедающие без меры» (Diod., XII, 10, 5: μέτρῳ ὕδωρ πίνοντες, ἀμετρί δὲ μᾶζαν ἔδοντες)¹³. Существует мнение, согласно которому этот оракул был придуман поздними авторами, однако противники этой версии возражают – как представляется, вполне логично – что не совсем ясно, зачем надо было впоследствии придумывать оракул, который не дает никаких указаний ни на местность, куда должна была быть перенесена колония, ни на какие-либо особенности поселения¹⁴.

Колония, теперь состоявшая только из вновь прибывших греческих поселенцев, была перенесена в место неподалеку от Сибариса, которое колонисты сочли соответствующим предсказанию. Не совсем понятно, почему была выбрана именно эта местность: полученный колонистами оракул содержал весьма общий совет, подходящий к любому поселению, простой и логичный – перенести колонию туда, где достаточно питьевой воды и есть плодородная земля¹⁵. Вероятно, свою роль сыграло наличие в этой местности источника под названием Фурии (Diod., XII, 10; Stb., VI, 13; Plut. Per., 11; Arist. Pol., V, 2, 10). Однако с переносом города конфликты между колонистами не закончились: жители города никак не могли договориться между собой, кого же из них считать фурийцами и кто должен быть в конечном итоге назван ойкистом нового поселения. Колонисты вновь отправили посланцев в Дельфы,

¹³ Parke H.W., Wormell D.E.W. A History of the Delphic Oracle. Vol. II. Oxf., 1956. P. 58. Диодор относит это предсказание к первой экспедиции 446 г., однако логичней предполагать, что он относится к основанию уже непосредственно Фурий (*Shachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 17; Касаткина Н.А. Афинские военно-земледельческие поселения... С. 165*).

¹⁴ Подробнее об этих предположениях см.: *Rutter N.K. Diodorus and the Foundation of Thurii // Historia. 1973. Bd. 22. S. 162; Строгоцкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурий // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 70–71.*

¹⁵ *Строгоцкий В.М. Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. ... С. 71.*

где оракул возвестил, что ойкистом нужно считать не какого-то конкретного человека, а самого Аполлона (Diod., XII, 35)¹⁶.

Ситуация с обращениями к оракулу в случае основания Фурий довольно нетипична для афинской колонизации: в обоих случаях колонисты получают «традиционное» предсказание, касающееся места расположения поселения и его ойкиста. Можно предполагать, что это связано с тем, что Фурии являлись общегреческой колонией, а не чисто афинским поселением: не случайно, что афиняне Лампон и Ксенокрит, отправляясь в Сибарис, оракул не спрашивали. Вероятно, именно вследствие общегреческого характера поселения в данном случае отсутствует привычное для афинской колонизационной практики обоснование прав на территорию.

Таким образом, данные источников говорят о том, что роль оракула в афинской колонизационной практике была незначительной. Афиняне обращались к оракулу и использовали предсказания в комплексе с мифологическими преданиями, в первую очередь, для обоснования своих прав на ту или иную фактически захваченную территорию. Те редкие случаи, в которых афинские ойкисты обращались к оракулу, относятся к ранним этапам афинской колонизационной практики, когда система, окончательно оформившаяся во время существования Делосского союза, только формировалась. При этом лучше в источниках отражено содержание тех предсказаний – не исключено, что придуманных и записанных уже значительно позже самих событий, – которые Афины использовали как повод для захвата территорий и вывода туда поселений. К середине V в. до н.э. афиняне окончательно отказались от обращения к оракулу как при непосредственном выводе поселений на различные территории, так и для обоснования своих прав на них. Логично предполагать, что это было связано с расцветом афинского морского могущества: настолько сильному государству уже не нужно было обращаться к мифологии или предсказаниям, чтобы убедить других в своем праве на ту или иную местность. Подобную незначительную роль оракула можно считать одним из характерных отличий афинской колонизационной практики от общегреческой.

Список литературы

1. *Владимирская О.Ю.* Мильтиад Старший – ойкист: к вопросу о взаимоотношениях аристократов и тиранов // Мнемон. 2002. Вып. 2. С. 33–42.
2. *Грэхэм А.Дж.* Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII–VI вв. до н.э. М., 2007. С.103–196.
3. *Касаткина Н.А.* Афинские военно-земледельческие поселения VI–V вв. Дис. ... к.и.н. Л., 1983.

¹⁶ В связи с этим существует интересное предположение: на основании того, что на фурийской агоре, согласно некоторым источникам, был похоронен Геродот, принимавший участие в основании города, – а на агоре могли хоронить лишь ойкистов, – возможно, фурийцы почитали как ойкиста именно его, хотя нет никаких прямых свидетельств в пользу того, что Геродот действительно мог им быть. (*Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 303–304).

4. *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // *Античный полис. Проблемы социально-экономической организации и идеологии античного общества.* СПб., 1995. С. 12–27.
5. *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001.
6. *Курциус Э.* История Греции. Т. 2. Минск, 2002.
7. *Лурье С.Я.* Примечания к избранным биографиям Плутарха // *Плутарх. Избранные биографии.* М.; Л., 1941. С. 383–404.
8. *Строгецкий В.М.* Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурий // *Город и государство в античном мире.* Л., 1987. С. 70–71.
9. *Суриков И.Е.* Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
10. *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009.
11. *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *АМА.* 2010. Вып. 14. С. 20–48.
12. *Туманс Х.* Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // *Мнемон.* 2014. Вып. 14. С. 59–94.
13. *Bengtson H.* Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und Miltiades // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abteilung.* Hft. 1. München, 1939.
14. *Berve H.* Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit. B., 1937.
15. *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. Bd. II. 3 Aufl. München, 1926.
16. *Delcourt M.* L'Oracle de Delphes. P., 1955.
17. *Graham A.J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964.
18. *Hampl F.* Poleis ohne Territorium // *Klio.* 1939. Bd. 32. S. 1–60.
19. *Miller T.* Die griechische Kolonisation in Spiegel literarischer Zeugnisse. Tübingen, 1997.
20. *Parke H.W., Wormell D.E.W.* A History of the Delphic Oracle. Vol. II. Oxf., 1956.
21. *Rutter N.K.* Diodorus and the Foundation of Thurii // *Historia.* 1973. Bd. 22. S. 155–176.
22. *Shachermeyr F.* Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968.
23. *Tiverios M.* Greek Colonisation of the North Aegean // *Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. by G.R. Tsetckhladze.* Vol. 2. Leiden, 2008. P. 1–154.